

А.В. Кучеренко

Соотношение чувственного и рационального на уровне априорных форм в учении И. Канта

В статье рассматривается не потерявшая своей актуальности кантовская проблема взаимосвязи чистого разума, категорий рассудка и способности суждения с созерцаниями в пространстве и времени. Содержание этих отношений охватывает область познания, этики, эстетики и религии. Внимание акцентируется на сочетании пространственного созерцания с категориями рассудка.

Ключевые слова: априорность; схема; рассудок; пространство; время.

Трансцендентальная связь чувственного и рационального на уровне априорных форм отслеживается И. Кантом в областях познания, этики (при сочетании с правом), эстетики и религии.

Б.Н. Бессонов, оценивая значение априорной области в сознательной деятельности человека при формировании всей совокупности его частных представлений, отмечает: «Целостность наших знаний прежде всего формируется благодаря присущим человеку познающему духу и разуму, *до опыта и независимо* от опыта, т. е. априорным формам восприятия пространства и времени, а также априорным формам рассудка, мышления и понимания категорий» [1: с. 13].

Разнообразные сочетания принципов априорных форм обладают универсальностью их применения (что может быть выражено с помощью понятий «необходимость» и «всеобщность»), поскольку процесс создания любого представления без какого-либо исключения не обходится без их непосредственного участия.

Принципом априорной формы пространственного созерцания (внутреннего видения того, что создается нашим сознанием) является одновременность сосуществования каких-либо частей (значений или признаков) вне друг друга как вполне самостоятельных значений. Так, например, сосуществуют («в состоянии общения», по Канту) в памяти различные события нашей жизни, к которым мы иногда обращаемся в своих воспоминаниях.

Принципом априорной формы времени выступает последовательность следующих друг за другом значений (слов в предложении, сочетаний цифр в математическом действии, потока восприятий в пересказе событий, сочетания смыслов и т. д.).

Следует отметить относительность принципов априорных форм пространства и времени, поскольку они выхватывают из абсолютной формы времени свойства одновременности и последовательности. Кант пишет: «...само время, в которое мы полагаем эти представления и которое даже предшествует осознанию их в опыте, находясь в основе их как формальное условие того способа, каким мы полагаем их в душе, содержит уже отношения последовательности, одновременности и того, что существует одновременно с последовательным бытием (того, что постоянно)» [2: с. 86]. Тем самым в абсолютной априорной форме времени есть три значения: одновременность, последовательность и постоянство.

И действительно, без постоянства невозможно восприятие одновременности сосуществования, точно так же и последовательность совершения действий сознания предполагает наличие постоянства через устойчивое удержание связи между двумя значениями, тем более если последовательность постоянно повторяется (без чего она и не мыслится), где одно плавно вытекает из другого, например, при выдвижении научных гипотез (располагающих предположения последовательно в причинно-следственной зависимости) или версий совершения преступления (связывая в одну единую цепочку многочисленные улики).

Что касается априорной формы рассудка (Кант иногда понимает под понятием «рассудок» всю рассудочную деятельность), то в его основании лежит идея чистого разума как способность создавать систему согласно принципу архитектоники при подчинении второстепенных значений главному.

Так, архитектурно-напевно образовано слово, имеющее ударение; архитектурна система власти; иерархична система знаний в любой научной области; планируя дела на день, мы выделяем среди них главные, неотложные и те, которые могут подождать.

Идее чистого разума как основополагающей априорной рассудочной форме подчиняются категории рассудка и способность суждения (определяющая — подчинение частного значения уже известному общему, и рефлектирующая — выведение ранее неизвестного общего значения, объединяющего имеющиеся частные случаи).

Каждую категорию рассудка, взятую отдельно, можно рассматривать как систему. Как отмечает Кант, из двух предыдущих в каждой группе категорий возникает третья, объединяющая их, — и это тоже архитектоника!

Идея архитектоники чистого разума, считает Кант, действует в нашем сознании не непосредственно, а опосредованно, через категории рассудка и способность суждения.

Трансцендентальная апперцепция, со своим центром «трансцендентальное Я» напоминает воронку, втягивающую в себя все частное разнообразие,

заключенное в нашем сознании, эмоциональном и интеллектуальном опыте, поскольку все это — «мое». Иными словами, сущностью трансцендентальной апперцепции выступает проявление идеи архитектоники чистого разума, лежащей в ее основании.

Кант считает невозможным использование категорий вне априорных форм пространства и времени, поскольку наш рассудок в этом случае имел бы свойство интеллектуального созерцания непосредственного отражения вещей такими, каковы они есть на самом деле. Но категории ограничены сферой создания явлений при неизбежном сопутствующем участии априорной чувственности.

Поскольку принцип пространственного созерцания (одновременность) определяется Кантом через характеристику времени, то он использует возможность определения связи категорий с априорной чувственностью исключительно через модусы времени (одновременность, последовательность и постоянство), закрепляя этот сплав сочетания на априорном уровне чувственности и категорий рассудка понятием «схема». Однако для полноты изложения этой связи все же дополнительно требуется подключение особых характеристик пространственного созерцания, а не только учета созерцания во времени.

В этой связи обратимся к кантовским схемам.

Схема «количества» определяется Кантом как «последовательное прибавление единицы к единице (однородной)» [2: с. 160–161]. Но возможно ли совместить, последовательно расположить однородные значения («единицы») без предварительного созерцания их как значений вне друг друга? Единство синтеза «многообразного» уже предполагает предварительное пространственное созерцание (некоторую множественность, ограниченную общим значением, — форма цифры включает в себя наличие вертикальных черточек-единиц или точек). Категория количества отвлекается от качества, обозначая любой объект как единицу вне другой единицы-объекта. Можно сосчитать количество букв в слове или строк на печатном листе, отвлекаясь от своеобразия букв или содержания самих строк.

Обратимся к следующему кантовскому высказыванию: «Реальность в чистом рассудочном понятии есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени). Отрицание есть то, понятие чего представляет небытие (во времени)» [2: с. 161]. Категории реальности и отрицания взаимно предполагают друг друга. Схема «реальности» (бытия) и «отрицания» (небытия) обычно устанавливает присутствие или отсутствие чего-либо в какой-то окружающей среде, где среда и это нечто «реальное» сосуществуют одновременно. Или же объекты в среде не способны сосуществовать (проявление небытия), что предполагает их несовместимость: «Гений и злодейство — две вещи несовместные» (*А.С. Пушкин*); «Розу белую с черной жабой Я хотел на земле повенчать» (*С. Есенин*). Сложнее, пожалуй, дело обстоит с бесконечностью. Впрочем, бесконечность мы все же не в состоянии себе представить, пытаясь раздвинуть границы того, что мы всякий раз за нее предварительно

принимаем, поскольку даже здесь воображаемое пространство до границы и сама граница есть два качественно особых и самостоятельно сосуществующих значения.

Кант отмечает, что «схемой реальности как количества чего-то наполняющего время служит именно это непрерывное и однообразное порождение количества во времени» [2: с. 161], где, естественно, «однообразное» не может мыслиться без пространственного созерцания как равных в чем-то, но обособленных частей. Следуя схеме реальности, можно в произвольном порядке перечислять все то, что существует, совершенно не заботясь о каких-либо отношениях между объектами материальной или духовной реальности. Так наше сознание схватывает разнообразное множество существующего, следуя произвольному вниманию. «Схема субстанции есть постоянность реального во времени» [2: с. 161], но «постоянность» может быть выявлена только на фоне чего-то изменяющегося. И здесь опять сосуществуют два значения — постоянство и изменчивость как нечто устойчивое в противопоставлении друг другу, где одно без другого не может восприниматься. Субстанция, будучи неизменной основой, предполагает в качестве своей противоположности изменчивое, а изменчивое, как известно, кроме того, еще и разнообразно в самом себе. Если под субстанцией понимать природу, подчиняющуюся своим собственным устойчивым законам, то под изменчивостью можно подразумевать чередование законов природы (несмотря на эту их относительную устойчивость, — когда перестает действовать один, то следом вступает в силу другой) и все формы ее проявления в неживой и живой материи.

«Схема причины и причинности вещи вообще есть реальное, за которым, когда бы его ни полагали, всегда следует нечто другое» [2: с. 162], но прежде чем определить нечто как причину, а нечто как следствие, эти два значения следует еще в своем сознании предварительно удержать одновременно в пространственном созерцании. Допустим, для религиозного мировоззрения причиной мира является Бог, и в этом представлении Бог и мир выступают как особые значения, каждое из которых обладает своей собственной спецификой, а потому в сознании они разделены. Несколько сложнее выглядит вопрос с мистическим и натуралистическим пантеизмом, где божественное растворено в мире, присутствуя повсеместно. Там есть разбросанность составных частей мироздания в их общем духовном единстве (т. е. часть и целое).

«Схема общения (взаимодействия) или взаимной причинности субстанций в отношении их акциденций есть одновременное существование определенных одной субстанции с определениями другой субстанции по общему правилу» [2: с. 162]. Это кантовское суждение можно вообще оставить без комментария, поскольку созерцание в пространстве характеризуется им в трансцендентальной эстетике через присутствующее здесь понятие «одновременное существование».

«Схема возможности есть согласие синтеза различных представлений с условиями времени вообще...» [2: с. 162], где до «синтеза различных представлений»

они должны были бы находиться как самостоятельные значения изолированно друг от друга. Так, оценивая возможности своих дальнейших действий, человек воспринимает их как качественно различные; выдвигаемые предположения о причинах вымирания динозавров (повышенная вулканическая активность, падение метеорита, вирусное заболевание, увеличение массы Земли с возрастанием убийственной для них силы гравитации) для палеонтологов не совпадают.

«Схема действительности есть существование в определенное время» [2: с. 162]. Существование же чего-либо всегда происходит исключительно на фоне существования или несуществования чего-то другого. Например, существует жизнь в одной из форм ее проявления в строго определенных условиях или в настоящий момент существует музыка при отсутствии существования сочинившего ее композитора.

«Схема необходимости есть существование предмета во всякое время» [2: с. 162]. Необходимое мы воспринимаем не иначе как через противоположность случайности, то есть именно того, что может быть, а может и не быть. Здесь вновь невольно возникает контраст, от которого нашему сознанию невозможно избавиться. Подброшенный вверх камешек с необходимостью упадет на землю, подчиняясь силе гравитации. Но почему именно камешек? Ведь вместо него может быть любой доступный для поднятия предмет, а это разнообразие предметов уже предполагает случайность.

«...схема отношения — отношение восприятий между собой во всякое время (т. е. по правилу временного определения)» [2: с. 162]. Иными словами, обладая совокупностью разрозненных восприятий, мы можем их «во всякое время» сочетать в различных комбинациях. Так, содержание одного и того же понятия при наполнении его своеобразными восприятиями можно использовать весьма разнообразно. «Рассвет бледнеет» (*И. Бунин*); лицо, бледное как мел; бледные, смутные воспоминания; бледное фото; бледный, скучный, лишенный своеобразия спектакль. Восприятие бледности как таковой мы в данном случае связываем с другими восприятиями, которые точно в такой же степени обладают самостоятельностью и могут быть использованы (в качестве точки отсчета) в широком спектре иных сочетаний.

«...схема модальности и ее категорий содержит и дает возможность представлять само время как коррелят определения предмета в смысле того, принадлежит ли он времени и как он ему принадлежит» [2: с. 162]. Модальность выступает как многовариантность способов существования чего-либо (в особом кантовском смысле — в различных временных состояниях). В более широком понимании о чем-то можно выразиться и с помощью таких понятий, как «необходимо» или «случайно», «возможно» или «действительно», «хорошо» или «плохо», «разрешено» или «запрещено», «доказательно» или «безапелляционно» и т. п.

Такое более пространное представление о связи априорных форм чувственности с категориями рассудка, не исключаяющее в этой связи упоминание о пространственном созерцании, очевидно, вносит большую ясность в этот вопрос.

Кант отмечает, что «категории осуществляются прежде всего схемами чувственности, тем не менее они и ограничиваются ими, т. е. ограничиваются

условиями, лежащими вне рассудка (а именно в чувственности)...» [2: с. 163]. Отсюда ни одна категория рассудка не может быть использована нами вне пространственно-временных форм априорной чувственности и потому не дает нам возможности отражать вещи такими, каковы они есть на самом деле, если мы говорим об объектах природы.

Теперь относительно связи чувственности и рассудка в этике. Есть два качественно и принципиально различных вида чувств, находящихся в противоположных отношениях к рассудку, сердцевиной которого вновь выступает архитектоника чистого разума. В первую очередь речь идет о доминировании либо чувственности над рассудком, либо рассудка над чувственностью.

Если в своих стремлениях мы подвержены себялюбивым склонностям, основанным на самолюбовании в ходе преследования эгоистических интересов, то эти ограниченные на собственном Я ценности подчиняют себе рассудок. Склонности принуждают его искать способы удовлетворения возникающих стремлений в изменчивой окружающей обстановке. В данном случае они подключают для этого архитектонику чистого разума, категории рассудка и способность суждения в двух ее разновидностях, наполняя их эгоцентричным содержанием. История развития цивилизации преподносит нам примеры самовозвеличивания исторических личностей, социальных слоев, религий, наций и политических концепций, основанных исключительно на ослепляющим чувстве превосходства, собственной исключительности. Обычно это происходит вопреки здравому смыслу, поскольку в ходе истории все это подвергается разрушению либо извне, либо саморазрушению как не выдержавшее проверки временем. Сюда же могут быть отнесены разнообразные проявления преступности и бесконечные мелкие житейские конфликты при взаимном игнорировании интересов их участниками.

Во втором варианте отношений чувственности и рассудка рассудок доминирует над чувственностью, провозглашая высшей ценностью общезначимые нравственные принципы, исполнять которые следует исключительно из чувства уважения к априорному моральному закону, не преследуя при этом никаких посторонних целей, связанных с какой-либо выгодой для себя. Его содержание отражено в хорошо известном категорическом императиве. Этот априорный моральный закон изначально содержится в душе каждого человека, позволяя ему постоянно, при любых обстоятельствах отличать добро от зла (иногда, правда, за нечто всеобщее при добросовестном заблуждении принимается некоторое частное нравственное значение, что не меняет в принципиальном отношении кантовской концепции, ориентирующейся на архитектурную структуру закона). Даже творящий зло знает этот закон и одновременно с этим осознает, что его нарушает, — таково убеждение Канта.

Идея архитектуроники чистого разума все же позволяет нам в абстрагировании отличить частные или всего лишь общие нравственные принципы от всеобщих, составляющих вершину нравственного поведения. Для этого, предлагает Кант, достаточно какой-либо принцип поведения (используемый в процессе общения) попытаться распространить до уровня всеобщего употребления

во всем спектре человеческих отношений, и если при этом данный принцип приведет в конечном итоге к абсурду, то он, естественно, не может быть принят нами за общезначимый. Допустим (вряд ли кто из живущих на этом свете избежал очернительства своего образа на нелегком жизненном пути), мы попытаемся сделать наветы универсальным принципом. Злонамеренная ложь будет плодиться при каждом удобном случае в невероятном объеме, а мы так никогда и не узнаем, что в действительности представляет собой каждый человек, общения с которым все будут избегать, обходя его с опаской. В этом случае всякое общение в принципе станет невозможным, что и приводит в результате к абсурдной ситуации. Соответственно мы делаем вывод, что некий нравственный принцип, не прошедший проверки всеобщностью, по сути, оказывается безнравственным.

Если религиозный человек в стремлении к вечному блаженству только ради него или всего лишь из-за страха перед божественной карой пытается следовать нравственным заповедям из святого Писания, то Кант не относит это к высоконравственному поведению, поскольку данная вера корыстна и основана на себялюбии.

В эстетической области мысль Канта кажется на первый взгляд противоестественной, — эстетическое эмоциональное переживание порождается чистым разумом! В обычном понимании оно возникает спонтанно, как бы ниоткуда, а уже затем мы используем рассудок для осмысления причины его появления и оправдания права на существование. Ю.В. Перов отмечает: «Он (Кант. — А.К.) задается вопросом, сама формулировка которого для здравого смысла парадоксальна. Что первично в отношении прекрасного — чувство удовольствия или оценочное суждение? Его ответ еще более парадоксален. Во всех единичных суждениях вкуса *оценочное суждение предшествует чувству удовольствия и определяет его*» [3: с. 287–288]. Будет нелишне подчеркнуть, что за определяющей и рефлектирующей способностью суждения стоит архитектура чистого разума (о чем было сказано выше). Именно она выстраивает систему из совокупности предварительных условий (личный художественный опыт или его отсутствие в данной области, давление авторитетов и художественных традиций, консервативное или новаторское мышление, представление о предназначении искусства), порождающих конкретное эстетическое переживание. Прекрасное Кантом определяется как символ нравственно доброго, имеющего всеобщее одобрение. По аналогии и в этике высшую ценность имеет общезначимое (в области моральных принципов). Прекрасное системно и рационально, в нем все составные части (сочетания цветов, звуков, изгибов линий, объемов, слов) подчинены некоторому объединяющему композиционному центру. Возьмем, например, орнамент или мелодию, колористическое единство, стихотворную рифму — там везде есть объединяющее начало, создающее систему из многообразного в пространственно-временном созерцании.

Литература

1. *Бессонов Б.Н.* Человек как дело человека // *Философия И. Канта (История и современность)*: сб. научн. тр. / Под общ. ред. Б.Н. Бессонова, Н.К. Позднякова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 332 с.
2. *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2006. 736 с.
3. *Перов Ю.В.* Лекции по истории классической немецкой философии. СПб.: Наука, 2010. 531 с.

Literatura

1. *Bessonov B.N.* Chelovek kak delo cheloveka // *Filosofiya I. Kanta (Istoriya i sovremennost')*: sb. nauchn. tr. / Pod obshh. red. B.N. Bessonova, N.K. Pozdnyakova. Omsk: Izd-vo OmGU, 2006. 332 s.
2. *Kant I.* Kritika chistogo razuma / Per. s nem. N. Losskogo; sveren i otredaktirovan C.G. Arzakanyanom i M.I. Itkinym; primech. C.G. Arzakanyana. M.: E'ksmo, 2006. 736 s.
3. *Perov Yu.V.* Lekcii po istorii klassicheskoy nemeczkoy filosofii. SPb.: Nauka, 2010. 531 s.

A.V. Kucherenko

**Ratio of Sensual and Rational at the Level of Aprioristic Forms
in I.Kant's teaching**

In article Kant's problem of interrelation of pure reason, categories of mind and ability of judgment with contemplations in space and time, which hasn't lost the topicality, is considered. The content of these relations covers knowledge area, ethics, aesthetics and religion. The attention is focused on a combination of spatial contemplation with categories of mind.

Keywords: apriority; scheme; mind; space; time.